

С.А. Агуреев

Англо-русский союз и факторы обострения русско-германских отношений в 1907–1913 годах

Статья посвящена фактору германской угрозы и аспектам формирования англо-русского союза накануне Первой мировой войны. Российская империя оказалась перед выбором между союзом с Англией и противостоянием с Германией. Этот выбор был сделан к 1914 году.

Ключевые слова: Российская империя; дипломатия; Первая мировая война; германская угроза.

Англо-русское соперничество 1880-х – начала 1900-х годов стало краеугольным камнем международной политики, во многом предопределив последующее развитие союзов и коалиций, а значит, и политическую расстановку в Европе накануне Первой мировой войны. Анализ этих противоречий получил подробнейшее отражение в отечественной и зарубежной историографии, насчитывающей по теме англо-русских отношений не один десяток трудов. Однако предыстория Первой мировой войны заслуживает пристального внимания и сегодня ввиду важности этой научной проблемы — сложения фактора германской угрозы и англо-русского сближения, — что получает отражение и в современных исследованиях [5]. В связи с этим представляется гораздо более важным показать не только как складывались эти отношения, но и что предопределило подобное их развитие, направив российскую политику к сближению со своим основным геополитическим соперником на протяжении конца XVIII и всего XIX века, каким без сомнения являлась Великобритания.

Однако с начала 1900 года соперничество с Британией сменилось в среде российского внешнеполитического истеблишмента идеей сотрудничества с ней по наиболее острым вопросам ввиду возникновения новых противоречий с Германской империей, опиравшейся на союз с Австро-Венгрией и стремившейся оказать заметное воздействие как на вопросы в отношении будущего Проливов, так и зон влияния в Персии и других странах Ближнего Востока. Особенно же острые противоречия сложились у России с Германией на Балканах, что в известной мере изменило традиционную расстановку сил в мире и привело к отказу от теории концерта великих держав в международных отношениях. Все это оказало решающее влияние на позицию российского руководства на развитие русско-английских отношений не по пути конфронтации, а по пути достижения взаимоприемлемого соглашения.

При этом следует учитывать как особенности отдельных внешнеполитических концепций, так и влияние целого ряда внешних и внутренних факторов — от ближневосточных кризисов и политики России и Великобритании в зоне Проливов до анализа противоречий в Средней Азии и на Дальнем Востоке, так и деятельность конкретных представителей политической элиты, попытаться проследить особенности их политического мышления.

Британская империя была крайне зависима от свободы морских путей и в отношении защиты своих необъятных колоний, что рождало противоречия как с Россией, так и с Германией. Очагом постоянных конфликтов являлся Восточный вопрос, любое разрешение которого без участия Великобритании могло привести к усилению одной из континентальных держав, что рассматривалось Лондоном как величайшая угроза колониальной империи. «Традиционно постоянным источником беспокойства для Лондона, — указывает российский историк О.И. Агансон, — был вопрос обеспечения безопасности морских и сухопутных коммуникаций между метрополией и колониями. В условиях, когда Россия воспринималась Британией как принципиальнейший геополитический соперник на Востоке, целостность Османской империи, как ее азиатских, так и европейских провинций, являлась императивом британской ближневосточной политики» [2: с. 17]. И далее ученый делает вывод: «Англо-русский антагонизм, борьба двух стран за влияние на Османскую империю или эвентуальное доминирование одной из них на постосманском пространстве определяли динамику развития международных отношений в обозначенный период» [2: с. 17].

Одним из наиболее важных факторов будущего англо-русского сближения стало нарастание англо-германского антагонизма и развитие самого понятия «германской угрозы», возникшего после франко-прусской войны и начала усиленной военно-промышленной модернизации Германской империи. Неслучайно британская пресса нагнетала ощущение этой угрозы, получившей реальные очертания в германской ближневосточной политике.

Российская политическая элита, в отличие от представителей Туманного Альбиона, была более прогерманской и до самого начала Боснийского кризиса не рассматривала Германию как основного геополитического противника. И германская политическая элита предпринимала неоднократные шаги к тому, чтобы сначала не допустить создания франко-русского союза, а затем, когда он был заключен, нивелировать его значение подписанием выгодного Германии договора с Россией, который бы фактически свел на нет предпринятые французской стороной усилия. Важную роль в этом играла и позиция российских чиновников из МИДа, которые, начиная с Н.К. Гирса, питали известные прогерманские симпатии. Раздражение российского внешнеполитического истеблишмента политикой Австро-Венгрии в Балканском вопросе и ее «вероломством» в годы Крымской войны (1850–1853 гг.) было настолько велико, что создание Германской империи под эгидой Пруссии проходило

при благожелательном молчании российской стороны. Показательно, что в период правления российских императоров Александра II и Александра III усиление германской военно-политической мощи рассматривалось как, несомненно, меньшее зло, чем «двурушничество» Габсбургов, не оценивших услуги по подавлению венгерской революции силой русского оружия. Однако сам этот аспект политики, направленный на ослабление Австро-Венгрии за счет усиления Германии, к сожалению, не получил еще должной оценки в российской историографии.

Следует лишь отметить, что российское внешнеполитическое руководство до поры не принимало в расчет усиление германского могущества, ставшего впоследствии угрозой для внешнеполитических интересов самой России. Заключенный же с участием России союз трех императоров оказался крайне непрочным из-за обнаружившихся в скором времени геополитических противоречий на Балканах. Германия же не только усилила свою геостратегическую мощь, но и фактически подчинила своему влиянию Австро-Венгрию, используя ее противоречия с Россией в качестве рычага давления на Петербург. Политическое руководство Российской империи явно недооценило нарастающую мощь Германии в своей политической игре, исходя из традиционной политики баланса между европейскими державами. Позиции известного политического баланса российской внешней политики и игры на взаимных противоречиях великих держав придерживался и товарищ министра иностранных дел, а затем министр иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорф.

Как же получилось, что Германия из весьма умеренного соперника превратилась в главного геополитического противника, тогда как традиционный соперник Российской империи — Британская империя — превратилась в союзника? Что же определяло остроту русско-германского антагонизма кроме односторонней политики последней, рассчитанной на поддержание Австро-Венгрии? Отвечая на эти вопросы, следует учесть, что и германская политическая элита не была единой в своих политических предпочтениях и испытывала заметное влияние меняющейся политической обстановки, а также проследить, как менялись отношения России с Англией на фоне постепенного развития русско-германского антагонизма, ставшего составной частью российской внешней политики после 1908 года, когда германские политические круги однозначно поддержали главного соперника России на Балканах — Австро-венгерскую монархию.

Интересы России и Германии весьма явственно сталкивались на Балканах, в Турции и Персии, на Ближнем Востоке. Так, царская дипломатия приложила немалые силы, чтобы ликвидировать угрозу своим интересам в Персии со стороны Германии, желавшей получить выгодную концессию в 1907 году. Позиции России и присоединившейся к ней в этом вопросе Англии были слишком сильны, чтобы германский империализм мог рассчитывать сломить их сопротивление. Обо всех деталях переговоров с немцами персидские

министры немедленно сообщали русскому и английскому посланникам, чтобы выяснить их мнение о приемлемости германских требований [4: с. 79]. Так что далеко не во всем был прав российский министр П.Н. Дурново, полагавший, что у России с Германией нет серьезных противоречий.

Весьма непросто складывалась обстановка и вокруг статуса Балтийского моря. Подписывая в 1907 году секретное соглашение с Германией, Россия рассчитывала укрепить свои позиции на Балтике. В то время как Германия надеялась нарушить англо-русско-французское единство. Однако германская сторона всерьез переоценила возможности данного соглашения, касающегося частного вопроса: оно нисколько не умаляло достигнутых ранее союзных договоренностей с Англией и Францией.

Серьезным камнем преткновения в отношениях двух стран стала ситуация на Балканах. Константами немецкой политики в вопросе о Балканах являлась безоговорочная поддержка Австро-Венгрии и Турции, что сталкивало Германию с Россией.

Хотя формально Германия не состояла в союзе с Турцией, империя султана рассматривалась в Берлине как потенциальный союзник в будущей борьбе за передел мира. Кроме того, германский империализм имел в Турции солидные экономические интересы, среди которых далеко не последнее место занимала Багдадская железная дорога. Все это накладывало определенный отпечаток на балканскую политику берлинского кабинета.

Кроме того, слабость экономических позиций России в Турции вынуждала российское правительство искать симпатий армянского населения и стать заступником перед турецким султаном. Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов писал по этому поводу председателю Совета министров В.Н. Коковцеву в декабре 1913 года: «При невозможности поручиться за долговечность Турции ввиду деятельной работы всех великих держав, стремящихся закрепить за собой сферы влияния в Малой Азии... и мы со своей стороны не можем оставаться совершенно бездеятельными. Не имея возможности противопоставить своих капиталистов и предпринимателей иностранцам, нам остается лишь сосредоточить внимание на данных, которые создают нам в известных отношениях преимущества по сравнению с нашими соперниками. Данные эти заключаются в тяготении к нам христианских народностей Малой Азии, и на первом месте армян» [8: с. 13]. Немецкие инвестиции в освоение месторождений цветных металлов на границе с Ираном создавали угрозу российскому капиталу в этой стране и открывали двери немецким компаниям в северную зону Ирана, закрепленную за Россией целым рядом международных соглашений. Само же это «проникновение» было вызвано необходимостью немецких политических и деловых кругов защитить германскую Багдадскую дорогу от России. Позиции России в регионе ослаблялись и тем обстоятельством, что в рамках Антанты не существовало противоречий, подобных англо-русским, а следовательно, Германия и ее союзники заметно лучше подготовились к возможному разделу Турции и проникновению в Иран.

Негативно сказывалась на развитии русско-германских отношений и политика усиления влияния германских промышленных кругов в самом Иране, что рассматривалось российской стороной как прямая угроза собственному влиянию в этой стране. На рубеже XIX–XX веков германские промышленные круги переходят к широкой экспансии на Среднем Востоке. Главными районами проникновения германского капитала и влияния становятся Багдад и зона Персидского залива. Также заметно увеличился ввоз германских товаров в Иран. Возрос товарооборот между Германией и Ираном, который оценивался российским Министерством финансов «как первый... действительно очень большой успех немецкой коммерции в Иране» [7: с. 66]. Официальный Петербург был также встревожен «поступательным движением германских деловых кругов в Тегеране [7: с. 131–132]. При этом германские деловые и правительственные круги не гнушались использовать методы прямого шантажа, давления и демонстративных жестов, что заставляло Россию искать более тесного сближения с Англией ввиду того, что собственные интересы царского правительства оказались под серьезной угрозой со стороны Германии. Заметно осложнило положение России в Иране и то обстоятельство, что немецкие деловые круги увеличили свое присутствие на севере Ирана, в тех областях, которые Россия считала своей сферой влияния, что также негативно сказалось на развитии русско-германских отношений. В то же время царскому правительству удалось достигнуть взаимопонимания о сохранении определенного status-quo с политическими кругами Англии, что также снимало напряженность в англо-русских отношениях.

Австро-Венгрия, как считали в Берлине, была единственным надежным союзником Германии, что определяло политику почти безоговорочной поддержки австрийской политики на Балканах, иногда приводившую к противоречию со стремлением Германии не задевать существенно интересов султана.

На Балканах Германия имела и существенные экономические интересы в виде серьезных капиталовложений. Значительного объема достигала торговля с балканскими странами, к увеличению которой стремились деловые круги Германии. Кроме того, Балканы представляли собой плацдарм для дальнейшего проникновения германского империализма в Переднюю Азию [4: с. 119]. Все это обусловило вполне однозначную поддержку Австро-Венгрии в Боснийском кризисе 1908 года, что нарушило баланс сил на Балканах и кардинальным образом затронуло интересы России.

Позиция Германии по Балканам определялась и политикой союза с Австро-Венгрией. Об этом свидетельствует высказывание главы генерального штаба Австро-Венгрии К. фон Гетцендорфа, заявившего: «Я видел историческую задачу Австро-Венгрии в том, чтобы южных и западных славян как центральноевропейские культурные народы... собрать в границах монархии, сгладить их противоречия с немцами и мадьярами, подвести их к кругу интересов блока центральных держав и благодаря этому дать союзникам ту власть

и силу, которые обеспечили бы Австро-Венгрии существование, культурное и экономическое развитие, особенно на Балканах, и позволили бы провести транспортные пути на Балканы и в Западную Азию» [4: с. 119]. Осуществление этой задачи с помощью Германии означало бы порабощение славянских народов, что и стало главной причиной русско-германского антагонизма.

Не стоит забывать, что период 1900–1914 годов был временем, когда появился сам термин «геополитика» и оформились наиболее популярные теории А. Мэхана, Ф. Ратцеля, Х. Маккиндера, Ф. Наумана и др., рассматривающие это понятие с точки зрения морского и колониального господства, контроля над «жизненным пространством». А сами эти теории имели и реальное практическое применение. В частности, концепция британского геополитика Х. Маккиндера предполагала раздробление Восточной Европы путем создания буферных государств между Россией и Германией для контроля над Евразией, являющейся «мировым Островом». Контроль над этой территорией в свою очередь означает мировое господство, поэтому державы, стремящиеся помешать укреплению британских позиций в зоне проливов (Россия и Германия) рассматриваются в качестве основных противников [9]. Схожие идеи были представлены и в концепции американского адмирала А.Т. Мэхана, выделявшего особую роль Средиземного моря как ключевого пункта мировой политики и подразделявшего все существующие державы на морские и континентальные. Контроль за морскими просторами А.Т. Мэхан видел в качестве ключевой задачи Великобритании, признавая при этом общность моральных принципов континентальных держав в противовес ей [10]. Поддержка, оказываемая Россией Франции, превращала Германию во врага России, так как вектор германской политики после франко-прусской войны был однозначно антифранцузским. Другим фактором возникновения предпосылок к образованию Тройственной Антанты с участием России стало резкое ухудшение англо-германских отношений из-за усилившихся противоречий в зоне Персидского залива и Средиземноморья, что делало Англию более договороспособной по Балканам и зоне Проливов.

В условиях обострения англо-германского антагонизма и открытого соперничества в области строительства военно-морского флота становилось вполне очевидным, что Англия, проиграв соперничество, потеряет свою колониальную империю и утратит до того неоспоримую монополию на морскую торговлю. Во многом англо-русское соглашение было вызвано и слабостью позиций России на Дальнем Востоке после печально завершившейся для нее Русско-японской войны 1904–1905 годов и последовавшей за этим Первой русской революции, обозначившей будущую трагедию 1917 года. Очевидно, что в этих условиях Российская империя нуждалась в гарантиях status-quo в Центральной Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке, рассчитывала склонить Англию к соответствующему национальным интересам соглашению по Балканам и Проливам [5].

В этом смысле следует согласиться с известным российским историком Н.А. Нарочницкой, отмечавшей, что поворот Англии к сотрудничеству с Россией, когда весь мир ожидал англо-русского противоборства, требует детального объяснения. Как указывает Н.А. Нарочницкая, Англия не могла нанести военного поражения России как великой континентальной державе. В то же время угроза со стороны Германии была глобальной, так как именно она напрямую угрожала английским планам в отношении Персии. Но война с Германией, предстоявшая Англии, не могла быть успешной без сильной сухопутной армии, что порождало необходимость в поиске новых союзников [11: с. 174]. Взаимное ослабление континентальных держав в лице России и Германии также соответствовало английским интересам.

Неслучайно министр иностранных дел Англии сэр Э. Грэй отмечал по поводу сближения с Россией: «Если бы мы остались в стороне от существующих дружеских отношений и соглашений, мы бы остались без друзей» [11: с. 174].

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов и потери прежних позиций на Дальнем Востоке Российская империя также нуждалась в союзниках и возможном расширении франко-русского союза, что стало реальностью лишь после ухода с поста министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, активно выступавшего против однозначного выбора в сторону Германии или Англии. Еще одной причиной форсированного сближения Англии с Францией и Россией стало масштабное строительство германского военно-морского флота, способного в недалеком будущем бросить вызов Британской империи.

Германские политические круги, стремившиеся к расширению колониальной зоны влияния, а также защиты своих интересов на Среднем и Ближнем Востоке, стремились обеспечить себе максимально прочные позиции и были крайне заинтересованы в разрушении франко-русского союза. Так в 1906 году германский император Вильгельм II предпринял неудавшуюся попытку склонить Россию на свою сторону во время встречи с российским императором Николаем II в Бьёрке. Однако Бьёркский договор стал крупнейшей внешнеполитической авантюрой кайзеровской Германии, которая вскоре оказалась дезавуирована действиями российского внешнеполитического ведомства. Определенные пророссийские симпатии испытывали К. Радовиц и К. Швейниц. Однако ориентация российской внешней политики на развитие союза с Францией и Великобританией и поддержка, оказанная российским руководством Франции в условиях Марокканских кризисов, наряду с нерешенностью ситуации на Балканах (Боснийский кризис 1908 года и Балканские войны) подготовили почву для окончательной расстановки сил в Европе накануне Первой мировой войны [5]. В германском политическом истеблишменте одержали победу политики, стремившиеся всеми силами отбросить Россию от Балтики до Черного моря. Этот курс получил преимущество в политическом мышлении германского канцлера Б. Бюлова, а еще

раньше Ф. Гольштейна. Ф. Гольштейн считал международное положение Германии вполне благоприятным, исходя из, по его мнению, невозможности разрешения англо-русских противоречий, а также противоречий Великобритании с Францией.

Сами дипломатические круги Германской империи в этот момент стремились столкнуть Россию с Великобританией на Среднем и Дальнем Востоке. Этот курс обрел вполне реальные очертания и в трудах известного теоретика внешней политики Ф. Науманна, а сама концепция получила название *Mitteleuropa* (Срединная Европа) [12]. Анализ этой концепции позволяет сделать ряд выводов. В частности, мечтой Ф. Науманна, ставшего, своего рода рупором пангерманистов, была идея создания сильной Германии от Балтийского до Черного морей, включая Прибалтику, Балканы и Польшу, а также имеющей зоны влияния в устье рек Тигра и Евфрата. Фактически же Ф. Науманн стал идеологом порядком подзабытой за период раздробленности Германии идеи «натиска на восток», вполне обоснованно считая, что укрепление германской военной мощи создает необходимые предпосылки к завоевательной политике как в отношении балканских народов, так и стоявшей за ними России. Идея Срединной Европы под властью Германии была широко поддержана немецкими правящими кругами и частью интеллигенции, а германская пресса открыто призывала к осуществлению широкомасштабной экспансии в угоду немецким интересам. Однако осуществление подобной доктрины создавало огромную опасность в Европе и делало мир поистине ненадежным.

Еще одним серьезнейшим шагом к обострению русско-германских противоречий стали события Балканских войн, где Германия поддерживала Турцию. Однако сам ход военных действий Первой Балканской войны 1912 года показал несостоятельность немецких планов относительно Турции. Уже первые месяцы войны изменили отношение великих держав к ряду вопросов их политики на Балканах. Пришлось отказаться от сохранения *status-quo*. События Второй Балканской войны окончательно противопоставили интересы России и Центральных держав, приведя к расколу Балканского союза [3: с. 173]. Важным фактором нагнетания Балканского кризиса стало и то обстоятельство, что Англия не оказала России должной поддержки. Россия же была вынуждена открыто поддержать Сербию против Болгарии, так как, по словам О.И. Агансон, «российское правительство ни при каких обстоятельствах не могло допустить присутствия болгар в Константинополе и перехода в их руки контроля над Босфором и Дарданеллами» [2: с. 21].

Подробный геополитический анализ последствий союза России с Англией дает и записка российского министра внутренних дел П.Н. Дурново императору Николаю II, поданная в феврале 1914 года [6]. Отметив неизбежность англо-германского противостояния, П.Н. Дурново указал: «Что же касается Англии, то для нее Германия совершенно неуязвима... Англия постарается прибегнуть к не раз с успехом испытанному ею средству и решиться на вооруженное

выступление не иначе, как обеспечив участие в войне на своей стороне стратегически более сильных держав» [6: с. 183]. Как ошибка расценивается и сам союз с Англией, поскольку «русский двор поддерживал традиционно дружественные, основанные на родственных связях, отношения с Берлинским» [6: с. 183]. Русско-японская война, по мнению П.Н. Дурново, вывела Англию из состояния изоляции, что позволило втянуть Францию в орбиту английской политики.

Ничего не выиграла Россия от союза с Англией в Персии, ибо с принятием персидской конституции позиции России ослабли, что привело к «свержению преданного России монарха». Никаких выгод, как показывает П.Н. Дурново, не дало это сближение и на Дальнем Востоке. Наиболее же отрицательные последствия сближения с Англией сказались на Ближнем Востоке, так как это привело к «окончательному прикреплению Турции к Германии». «Итак, англо-русское сближение, — констатирует П.Н. Дурново, — ничего реально полезного для нас до сего времени не принесло. В будущем оно неизбежно сулит нам вооруженное столкновение с Германией» [6: с. 186].

Правильно российский министр определяет и политические группировки в будущей войне в отличие от германского кайзера Вильгельма II, необоснованно считавшего, что Англия не вступит в войну с Германией после мобилизации Франции и России. Италия, как прозорливо увидел П.Н. Дурново, не выступит на стороне Германии. Конфликт окажется изматывающим для обеих сторон и не застанет противника врасплох, а степень готовности превзойдет все ожидания.

Однозначно определена российским министром и роль Российской империи в предстоящей войне, которую союзники используют в качестве тарана, «пробивающего толщу немецкой обороны» [6: с. 187]. Участие же России в войне не принесет ей никаких ощутимых выгод, а, напротив, приведет к волнениям на Кавказе и в Туркестане, а также к последствиям, которые трудно предвидеть в отношении Польши и Финляндии. В дальнейшем сам ход событий подтвердил правильность изложенных в записке П.Н. Дурново выводов: война обернулась страшной катастрофой для Российской империи.

Россия же, по мнению министра, совершенно не готова к войне как по своей инфраструктуре, так и ввиду того, что организация обороны империи пребывала на низком уровне. Война эта, как следует из выводов П.Н. Дурново, совершенно не нужна России, так как ее интересы не имеют прямого столкновения с Германией. Даже обещанное Англией открытие Проливов для России не даст ей выхода в открытое море, и ее корабли могут быть заблокированы английским флотом, имеющим островные базы. Каковы же долговременные интересы Англии в предстоящей войне?

«Англии, — отмечает автор записки, — выгодно убить германскую морскую торговлю и промышленность Германии, обратив ее в бедную, по возможности, земледельческую страну. Нам выгодно, чтобы Германия развила

свою морскую торговлю и обслуживаемую ею промышленность в целях снабжения отдаленнейших мировых рынков и в то же время открыла бы внутренний рынок произведениям нашего сельского хозяйства для снабжения многочисленного своего рабочего населения» [6: с. 192].

Даже победа России в войне сулит ей крайне неблагоприятные перспективы, так как неизменно приведет к усилению Британской империи. А в случае поражения «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть» [6: с. 197]. Однако выводы П.Н. Дурново не нашли понимания среди представителей российской политической элиты, уже сделавшей однозначный выбор в пользу Антанты.

Таким образом, следует констатировать, что изменение вектора внешней политики России в отношении участия в Антанте диктовалось изменением политической обстановки на Балканах, Дальнем Востоке, в Передней Азии. По мере нарастания противоречий с Австро-Венгрией и Германией происходило сглаживание позиций по спорным вопросам с Англией, что в конечном итоге и предопределило расстановку сил в мире. Возникшая после ближневосточного кризиса «газетная война» усилила напряженность в отношениях между Россией и Германией, продолжавшуюся до июльского кризиса. А убийство в Сараево стало побудительным мотивом к началу глобального противостояния.

Литература

1. *Агансон О.И.* Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 17–32.
2. *Агансон О.И.* Восточный вопрос в международных отношениях накануне Первой мировой войны // Первая мировая война — пролог XX века: материалы международной научной конференции. Часть 1. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 17–21.
3. *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М.: Наука, 1985. 290 с.
4. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911. М.: МГУ, 1972. 305 с.
5. *Болтаевский А.А., Прядко И.П., Агуреев С.А.* Первая мировая война: дипломатическая предыстория, крупнейшие военные операции и внешнеполитические итоги. М.: Спутник +, 2016. 256 с.
6. Записка П.Н. Дурново Николаю II // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 178–200.
7. *Истягин Л.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1979. 221 с.
8. *Истягин Л.Г.* Экспансия германского империализма в Турции и русско-германские противоречия по армянскому вопросу // Из истории агрессивной внешней политики германского империализма: сб. статей / отв. ред. В.А. Масленников. М.: Международные отношения, 1959. С. 13–46.
9. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
10. *Мэхан А.Т.* Влияние морской силы на историю. 1660–1783. СПб.: АСТ, 2002. 634 с.

11. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004. 532 с.
12. *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1915.

Literatura

1. *Aganson O.I.* Balkany' nakanune Pervoj mirovoj vojny': na puti k novomu balansu sil // *Novaya i Novejshaya istoriya*. 2014. № 4. S. 17–32.
2. *Aganson O.I.* Vostochny'j vopros v mezhdunarodny'x otnosheniyax nakanune Pervoj mirovoj vojny' // *Pervaya mirovaya vojna — prolog XX veka: materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Chast' 1. M.: IVI RAN, 2014. S. 17–21.
3. *Avetyan A.S.* Russko-germanskie diplomaticheskie otnosheniya nakanune Pervoj mirovoj vojny' 1910–1914. M.: Nauka, 1985. 290 с.
4. *Astaf'ev I.I.* Russko-germanskie diplomaticheskie otnosheniya 1905–1911. M.: MGU, 1972. 305 s.
5. *Boltaevskij A.A., Pryadko I.P., Agureev S.A.* Pervaya mirovaya vojna: diplomaticheskaya predystoriya, krupnejshie voenny'e operacii i vneshnepoliticheskie itogi. M.: Sputnik +, 2016. 256 с.
6. *Zapiska P.N. Durnovo Nikolayu II* // *Krasnaya nov'*. 1922. № 6 (10). S. 178–200.
7. *Istyagin L.G.* Germanskoe proniknovenie v Iran i russko-germanskie protivorechiya nakanune Pervoj mirovoj vojny. M.: Nauka, 1979. 221 s.
8. *Istyagin L.G.* E'kspansiya germanskogo imperializma v Turcii i russko-germanskie protivorechiya po armyanskomu voprosu // *Iz istorii agressivnoj vneshnej politiki germanskogo imperializma: sb. statej / otv. red. V.A. Maslennikov*. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1959. S. 13–46.
9. *Makkinder X.* Dzh. Geograficheskaya os' istorii // *Polis*. 1995. № 4. S. 162–169.
10. *Me'xan A.T.* Vliyanie morskoy sily' na istoriyu. 1660–1783. SPb.: AST, 2002. 634 s.
11. *Narochniczkaya N.A.* Rossiya i russkie v mirovoj istorii. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2004. 532 s.
12. *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1915.

S.A. Agureev

The Anglo-Russian Union and the Factors of Exacerbation of Russian-German Relations in 1907–1913

This article is devoted to the German threat and the aspects of formation of Anglo-Russian union before the First World War. The Russian Empire was faced with a choice between an alliance with England and a confrontation with Germany. This choice was made by 1914.

Keywords: Russian Empire; the diplomacy; the First World War; German threat.